

ХОДЯЧИЕ МЕРТВЕЦЫ

ХОДЯЧИЕ МЕРТВЕЦЫ

**ВОСХОЖДЕНИЕ ГУБЕРНАТОРА
ДОРОГА В ВУДБЕРИ
ПАДЕНИЕ ГУБЕРНАТОРА. Часть 1**

РОБЕРТ КИРКМАН
ДЖЕЙ БОНАНСИНГА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Coe)-44
К 43

Robert Kirkman, Jay Bonansinga
THE WALKIND DEAD: RISE OF THE GOVERNOR
THE WALKIND DEAD: THE ROAD TO WOODBURY
THE WALKIND DEAD: THE FALL OF THE GOVERNOR
(Part1)

Печатается с разрешения издательства
St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Дизайн обложки *Владислава Воронина*

Киркман, Роберт.
К43 Ходячие мертвецы. Восхождение Губернатора; Ходячие мертвецы. Дорога в Вудбери; Ходячие мертвецы. Падение Губернатора. Часть 1: [романы] / Роберт Киркман, Джей Бонансинга; пер. с англ. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 640 с. — (Ходячие мертвецы. Коллекция).

ISBN 978-5-17-117137-7

Некогда талантливый лидер и блестящий оратор Филипп Блейк превращается в самопровозглашенного правителя выживших маленького городка на юго-востоке США. Отважная Лили Коул, сумевшая покинуть осажденную живыми мертвецами Атланту и добраться до владений Губернатора, превращенных в настоящую крепость, которую со всех сторон захлестывают кошмарные волны зомби-апокалипсиса.

История их смертельного противостояния — в классической трилогии Роберта Киркмана и Джея Бонансинги!

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Coe)-44

Text Copyright © Robert Kirkman LLC 2011
Text Copyright © Robert Kirkman and Jay Bonansinga 2012
Text Copyright © 2013 by Robert Kirkman LLC
© А. Шевченко, перевод на русский язык, 2019
© З. Мамедьяров, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ВОСХОЖДЕНИЕ ГУБЕРНАТОРА

БЛАГОДАРНОСТИ

Роберт Киркман, Брендан Денин, Энди Коэн,
Дэвид Элперт, Стивен Эмери и все добрые люди
из «Круга Рассеяния»! Огромное вам спасибо!

Джей

Джей Бонансинга, Элперт и весь «Круг Рассеяния»,
милые люди из «Имидж Комикс» и Чарли Эдлард,
наш рулевой, — снимаю перед вами шляпу!

Розенман, Розенбаум, Саймониан,
Лернер и, конечно же, Брендан Денин —
примите мое глубочайшее уважение!

Роберт

ЧАСТЬ 1

ПОЛЫЕ ЛЮДИ

В смерти нет великолепия.
Любой может умереть.

Джонни Роттен¹

Глава первая

Ужас сковал его. Было трудно дышать. От страха подкашивались ноги. Брайан Блейк мечтал о второй паре рук. Тогда он смог бы прикрыть ладонями свои уши, чтобы не слышать звук крошащихся человеческих черепов. К сожалению, у него было только две руки, которыми он закрывал крохотные ушки дрожащей от страха и отчаяния маленькой девочки. Ей было всего семь. В шкафу, где они спрятались, было темно, а снаружи доносился глухой треск ломавшихся костей. Но вдруг наступила тишина, которую нарушали только чьи-то осторожные шаги по лужам крови на полу и зловещий шепот где-то в прихожей.

Брайан снова закашлялся. Уже несколько дней его мучила простуда, он ничего не мог с этим поделать. Осенью в Джорджии обычно становится холодно и сыро. Каждый год Брайан проводит первую неделю сентября в постели, пытаясь избавиться от назойливого кашля и насморка. Чертова сырость пробирает до костей, вытягивая все силы. Но в этот раз отлежаться не удастся. Он зашелся кашлем, сильнее сжав уши маленькой Пенни. Брайан знал, что их услышат, но... что он мог поделать?

Ничего не видно. Хоть глаз выколи. Только цветные фейерверки, взрывающиеся под закрытыми веками от каждого приступа кашля. В шкафу — тесной коробке шириной от силы в метр, глубиной немногим больше — пахло мышами, средством от моли и старым деревом. Сверху свисали пластиковые мешки с одеждой, то и дело задевавшие лицо, и от этого хотелось кашлять еще сильнее. Вообще-то Филип, младший брат Брайана, сказал ему — кашлай, мол, сколько влезет. Да хоть все легкие выкашлай себе к чертям собачьим, но если вдруг заразишь девочку, пеняй на себя. Тогда треснет еще один че-

¹ Британский рок-музыкант, фронтмен и основной автор песен панк-группы Sex Pistols. — *Здесь и далее прим. редактора.*

реп — самого Брайана. Когда речь заходила о дочке, с Филипом лучше было не шутить.

Приступ миновал.

Через несколько секунд снаружи снова слышались тяжелые шаги. Брайан крепче прижал к себе маленькую племянницу, когда та вздрогнула от очередной чудовищной рулады. «Треск раскальвающегося черепа в ре-миноре», — с мрачным юмором подумал Брайан.

Однажды он открыл собственный магазинчик аудиодисков. Бизнес провалился, но навсегда остался в его душе. И теперь, сидя в шкафу, Брайан слышал музыку. Наверное, такая играет в аду. Нечто в духе Эдгара Вареза¹ или барабанное соло Джона Бонэма² под кокаином. Тяжелое дыхание людей... шаркающие шаги живых мертвецов... свист топора, рассекающего воздух и вонзающегося в человеческую плоть...

...и, наконец, тот отвратительный чавкающий звук, с которым бездыханное тело валится на скользкий паркет.

Снова тишина. Брайан почувствовал, как по спине пробежал холодок. Глаза понемногу привыкли к темноте, и через щель он увидел струйку густой крови. Похоже на машинное масло. Брайан осторожно потянул девочку за руку, оттаскивая ее в глубину шкафа, в груды зонтиков и ботинок у дальней стенки. Нечего ей смотреть, что там творится снаружи.

Все-таки кровь успела брызнуть малышке на платице. Пенни заметила на подоле красное пятно и принялась отчаянно тереть ткань.

Разогнувшись после очередного сокрушительного приступа, Брайан обхватил девочку и осторожно прижал к себе. Он не понимал, как ее успокоить. Что сказать? Он и хотел бы прошептать племяннице что-нибудь ободряющее, но в голове было пусто.

Будь здесь ее отец... Да, Филип Блейк смог бы ее подбодрить. Филип всегда знал, что сказать. Всегда говорил именно то, что люди хотели услышать. И всегда подкреплял слова поступками — как и сейчас. Сейчас он где-то снаружи с Бобби и Ником: делает то, что должно, пока Брайан трусливо прячется в шкафу, как перепуганный заяц, и пытается сообразить, как успокоить племянницу.

Брайан всегда был заморышем, хоть и родился первым из трех сыновей в семье. Метр семьдесят ростом (если считать каблук), черные потертые джинсы, рваная футболка, жидкая

¹ Французский и американский композитор, один из основоположников электронной музыки.

² Барабанщик группы Led Zeppelin.

козлиная бородка, нечесанные темные волосы в стиле Икабода Крейна из «Сонной ложины» да плетеные браслеты на руках — он и в свои тридцать пять оставался эдаким Питером Пэном, навсегда застрявшим где-то между старшими классами и первым курсом.

Брайан глубоко вздохнул и опустил взгляд. Влажные оленьи глаза маленькой Пенни блеснули в луче света, сочившемся в щель между дверками шкафа. Она всегда была тихой девочкой, похожей на фарфоровую куклу, — маленькой, худенькой, с воздушными чертами лица и черными, как смоль, кудрями, — а после смерти матери и вовсе замкнулась в себе. Ей было тяжело, хотя она не подавала виду, — и все же боль утраты постоянно отражалась в ее огромных печальных глазах.

За последние три дня Пенни едва проронила пару слов. Разумеется, это были *очень необычные* дни, да и дети обычно быстрее оправляются от потрясений, чем взрослые, но Брайан боялся, как бы девочка не замкнулась на всю оставшуюся жизнь.

— Все будет хорошо, солнышко, — прокашлявшись, прошептал Брайан.

Пенни что-то пробормотала в ответ, не поднимая головы. По ее перепачканной щечке скатилась слеза.

— Что, Пен? — переспросил Брайан, осторожно стирая с лица девочки мокрые следы.

Пенни снова что-то пробормотала, но, похоже, обращалась она не к Брайану. Он прислушался. Девочка шептала снова и снова, словно какую-то мантру, молитву или заклинание:

— Никогда больше не будет хорошо. Никогда-никогда-никогда-никогда...

— Тс-с-с...

Брайан прижал малышку к груди, даже сквозь футболку ощущая жар ее личика, покрасневшего от слез. Снаружи опять донесся свист топора, вонзающегося в плоть, и Брайан поспешно закрыл девочке уши. Перед глазами встала картина лопающихся костей и склизкой серой мякоти, брызжущей во всей стороны.

Треск вскрывающегося черепа живо напомнил Брайану удар бейсбольной битой по мокрому мячу, а выплеск крови походил на звук, с которым шлепается на пол влажная тряпка. Очередное тело с глухим стуком рухнуло на пол, и, как ни странно, в этот момент Брайана больше всего обеспокоило то, что плитка на полу может разбиться. Дорогая, явно изготовленная на заказ, со сложной инкрустацией и ацтекским узором. Да, уютный был дом...

И снова тишина.

Брайан едва подавил очередной приступ. Кашель рвался наружу, как пробка от шампанского, но Брайан сдерживал его из последних сил, чтобы не пропустить доносящихся снаружи звуков. Он ждал, что сейчас опять послышится чье-то натужное дыхание, шаркающие шаги, влажное чавканье под ногами. Но все было тихо.

А затем, в полной тишине, раздался негромкий щелчок и дверная ручка начала поворачиваться. У Брайана волосы встали дыбом, но толком испугаться он не успел. Дверь шкафа распахнулась, и за ней показался живой человек.

— Все чисто! — сообщил Филип Блейк хрипловатым, прокурненным баритоном, вглядываясь в глубину шкафа. Его разгоряченное лицо блестело от пота, а крепкая, мускулистая рука сжимала массивный топор.

— Ты уверен? — прошептал Брайан.

Филип не ответил. Он взглянул на дочь и произнес:

— Все в порядке, солнышко. С папой все хорошо.

— Ты уверен? — сквозь кашель повторил Брайан.

Филип снисходительно взглянул на брата и сказал:

— Ты не мог бы прикрывать рот, когда кашляешь?

— Ты уверен, что все чисто? — в третий раз спросил Брайан.

— Малышка, — Филип повернулся к девочке. Сейчас только тягучий южный акцент, всегда проступавший в минуты волнения, выдавал бушевавшую в нем животную ярость. — Посиди здесь еще немножко. Всего пару минуточек. Хорошо, милая? А я скоро приду, и можно будет вылезать из шкафа. Договорились?

Пенни ответила ему едва заметным кивком.

— Идем со мной, братишка. Мне понадобится помощь, нужно все здесь убрать, — сказал Филип старшему брату.

Брайан вылез из шкафа, расталкивая висящую в шкафу одежду.

В глаза ударил слепящий свет, и Брайан заморгал. Потом закашлялся. Потом заморгал снова, огляделся по сторонам и просто-напросто забыл о рези в глазах от зрелища, которое ему открылось. На какой-то миг ему показалось, что роскошная прихожая двухэтажного дома в колониальном стиле, ярко освещенная вычурными медными шандельерами, вновь погрузилась в хаос ремонта и отделки, но маляры на этот раз попались то ли припадочные, то просто чокнутые. Бледно-зеленая штукатурка стен покрылась длинными фиолетовыми потеками. Пол пестрел черно-багровыми пятнами, словно

сошедшими с карточек Роршаха¹. И, наконец, в этом хаосе проступили очертания тел.

Шесть бездыханных, изломанных тел лежали на полу в странных позах. Лица изуродованы, черепа раздроблены. Самый большой труп скорчился в растекающейся луже крови и желчи у подножия широкой винтовой лестницы. А вон те кровавые ошметки, пятнающие белый паркет, еще недавно были женщиной — вероятно, хозяйкой дома, радушной дамой, не скупившейся на традиционное южное гостеприимство и персиковый лимонад. Из трещины в ее расколотом черепе сочилась серая слизь. Горло Брайана конвульсивно задергалось от подступающей рвоты.

— Так, джентльмены, внимательно посмотрите вокруг. Мы займемся уборкой. Нужно закончить поскорее, — обратился Филип к Нику и Бобби — своим друзьям... и к Брайану тоже, но брат не услышал его. Он был слишком потрясен увиденным и в этот момент не слышал ничего, кроме яростного стука собственного сердца. Казалось, что все это не по-настоящему. Он не мог поверить в то, что видел.

В коридоре и на пороге гостиной все еще лежало то, что осталось от других несчастных, — части тела и не поддающиеся опознанию куски мяса в лужах запекшейся крови. Два дня назад Филип начал называть такие останки «стейком двойной прожарки». Судя по всему, при жизни это были подростки — то ли дети хозяев дома, то ли жертвы *традиционного южного гостеприимства*, обернувшегося ночным кошмаром для всех, включая хозяев. Хватило одного укуса. Из-под одного тела, лежавшего лицом в пол, до сих пор тонкой струйкой текла густая красноватая жидкость, словно из прохудившегося крана. В черепах мертвецов торчали лезвия кухонных ножей, загнанные по самую рукоять, — словно флаги первопроходцев на покоренных вершинах.

Брайан прикрыл рот рукой, пытаясь сдержать рвотные позывы. Внезапно что-то закапало ему на макушку. Он поднял голову.

Очередная капля крови, стекающей с люстры, приземлилась ему прямо на нос.

— Ник, принеси несколько брезентовых покрывал, которые мы видели в...

На этих словах Брайан вдруг согнулся и рухнул на колени. Рвота хлынула на паркет. Желтовато-зеленая желчь потекла

¹ Чернильные пятна Роршаха — один из тестов, применяемых для исследования личности.

по канавкам между плитками, смешиваясь с кровью лежавших на полу мертвецов.

От облегчения у Брайана даже слезы на глаза навернулись: его тошнило уже четвертый день, но только сейчас он, наконец, смог облегчить желудок.

* * *

Филип Блейк громко выдохнул: адреналин все еще бурлил в крови. Первым его побуждением было подбежать к брату и хорошенько его встряхнуть, но Филип сдержался. Положив окровавленный топор, он снова взглянул на Брайана и закатил глаза. Непонятно, как он еще не натер мозоли на веках за все те годы, что ему приходилось так делать. Но ничего не напишешь. Этот сукин сын все же его брат. А семья — самое дорогое, что есть у человека. Особенно в такие времена, как сейчас. Даже внешне Брайан очень похож на Филипа, несмотря на разницу в три года, — и с этим тоже ничего не поделаешь. Высокий, поджарый и мускулистый Филип Блейк, как и Брайан, унаследовал от матери-мексиканки и смуглую кожу, и волосы, черные как вороново крыло, и карие миндалевидные глаза. Мама Роза в девичестве носила фамилию Гарсия, и ее яркие латиноамериканские черты возобладали в потомстве над генами Эда Блейка — грубого здоровяка-пропойцы, среди предков которого числились только ирландцы и шотландцы. Но Филипу от отца достались хотя бы рост под сто девяносто и крепкие мышцы, а Брайану, похоже, не досталось ничего. Стоя посреди коридора в линялых джинсах, рабочих ботинках и мятой хлопковой рубашке, с длинными висячими усами и тюремным тату в виде байкера на мотоцикле, Филип сверлил брата презрительным взглядом и чувствовал, что вот-вот сорвется. Еще чуть-чуть — и он выскажет этому слюнтяю все, что о нем думает. Но внезапно из глубины прихожей, от двери, донесся какой-то шум.

Бобби Марш — друг Филипа еще со школьной скамьи — стоял рядом с лестницей, неспешно вытирая лезвие топора о широченную штанину. Толстяк тридцати двух лет от роду, так и не доучившийся в колледже, с длинными сальными волосами, собранными в конский хвост, он был из тех, кого в школе называли «пончиком». Бобби глядел на Брайана и содрогался от взрывов нервного, рваного смеха, колыхаясь всем своим внушительным пузом. Едва ли вид согнувшегося в рвотных муках человека доставлял ему удовольствие — это был не столько настоящий смех, сколько разновидность нервного ти-

ка. Когда на Бобби такое находило, он просто ничего не мог с собой поделать.

Это началось три дня назад, когда Бобби впервые столкнулся с живым мертвецом — в туалете на заправочной станции возле аэропорта Огасты. Вымазанный кровью с головы до ног, зомби вышел из кабинки, волоча за собой шлейф туалетной бумаги, и зашаркал напрямик к Бобби, уже примериваясь к сочному куску. Но Филип бросился другу на выручку и разломил мертвецу голову железным ломом.

Так и выяснилось, что зомби можно убить, проломив ему череп. И в тот же день Бобби начал слегка заикаться, много говорить и нервно смеяться. Это был своего рода защитный механизм или последствия шока. Бобби был единственным во всей компании, кто пытался искать объяснения случившемуся: «Это, видать, в воду какая-то дрянь попала. Типа чумы какой, мать ее за ногу». Но Филип не желал слышать никаких дурацких объяснений и каждый раз, как Бобби начинал болтать, живо его затыкал.

— Эй! — прикрикнул Филип на толстяка. — Тебе это кажется *забавным*?

Бобби затих.

В дальнем конце гостиной возле окна стоял Ник Парсонс — еще один школьный товарищ Филипа. Он напряженно вглядывался в темноту — должно быть, пытался понять, не затаилась ли во дворе еще парочка мертвецов. Ник смахивал на морского пехотинца: короткая стрижка, широкие плечи, суровый взгляд, куртка цвета хаки. Ему труднее всех оказалось свыкнуться с мыслью о том, что им придется убивать то, что недавно было людьми. Всю жизнь Ник следовал библейским заветам, и то, что происходило сейчас, несколько пошатнуло его убеждения. Он с грустью в глазах наблюдал за Филипом, грозно нависшим над Бобби с высоты крыльца.

— Прости, чувак, — пробормотал Бобби.

— Там — моя дочь, — рявкнул Филип в лицо Маршу. Тот потупился: в любую секунду брат Брайана мог вспыхнуть гневом, а злить его не стоило.

— Извини...

— Займись делом, Бобби. Принеси презент.

В нескольких шагах от Филипа Брайан в очередной раз согнулся, выплеснув последнее, что еще оставалось в желудке, и зашелся сухим кашлем.

— Потерпи, еще немного, — Филип подошел к брату и осторожно похлопал его по плечу.

— Я... — Брайан запнулся, пытаясь собраться с мыслями.

— Ничего страшного, братишка. Со всеми бывает.

— Прости...

— Все нормально.

Брайан наконец взял себя в руки, выпрямился и тыльной стороной ладони вытер губы.

— Так вы и правда всех перебили?

— Думаю, да.

— Уверен?

— Да.

— Вы везде проверили? В подвале? В комнатах для слуг?

— Да, везде. Во всех комнатах, в подвале и даже на чердаке. Последний мертвец вышел на звуки твоего кашля, когда ты в шкафу прятался. Ты так кашлял, что даже мертвого смог разбудить. Маленькая девочка... она попыталась сожрать один из подбородков Бобби.

Брайан шумно сглотнул.

— Все эти люди... они ведь *жили* здесь.

— Больше не живут, — вздохнул Филип.

Брайан оглянулся и снова посмотрел на брата.

— Но они же... это же... семья...

Филип кивнул, но промолчал. Ему захотелось пожать плечами — ну и что, черт возьми, что это была семья? Но он ничего не сказал. Он не желает думать, что убивает тех, кто совсем недавно был чьей-то мамой, почтальоном или работником заправочной станции. Брайана, чертова умника, вчера понесло рассуждать о морали и этике. С точки зрения морали, заявил он, убивать нельзя никого. Никогда. Но вот с точки зрения этики — дело другое. Убивать в целях самозащиты — вполне этично. Придя к такому выводу, Брайан успокоился, но Филипу с самого начала плевать было на эти умствования. Он попросту не считал, что лишает кого-то жизни. Разве можно убить того, кто и так уже мертв? Размозжил ему черепушку и пошел дальше — о чем тут еще рассуждать и думать?

Мало того, сейчас Филип не думал даже о том, куда они пойдут дальше, хотя и понимал, что рано или поздно решать это придется *ему*: сложилось так, что именно он стал вожаком их маленькой разношерстной компании. Но пока было не до этого. Эпидемия началась всего семьдесят два часа назад, и с того момента, как мертвецы обрели жуткое подобие жизни, Филип Блейк мог думать только об одном: как защитить Пенни. Именно поэтому два дня назад он и увел всю компанию из родного городка, подальше от людных мест.

Братья были родом из Уэйнсборо, небольшого местечка в центральной части Джорджии, которое превратилось в сущий ад, как только жители один за другим начали умирать и вновь

оживать. Будь Филип сам по себе, он, может, и не уехал бы, но Пенни нужно было уберечь любой ценой. Именно из-за Пенни он обратился за помощью к школьным товарищам. Именно из-за Пенни Филип решил ехать в Атланту, где, если верить новостям, находился ближайший лагерь для беженцев. Все это — только ради дочери. Ведь с некоторых пор Пенни — это единственное, что заставляет его хоть как-то шевелиться. Единственный бальзам на его израненную душу. Еще задолго до этой необъяснимой эпидемии Филип привык, что каждую ночь, ровно в три пополуночи, мучительный спазм сжимает его сердце. Потому что ровно в три пополуночи — вот уже почти четыре года назад — он стал вдовцом. Сара отправилась в гости к университетской подруге, немного выпила и на обратном пути не справилась с управлением на мокрой от дождя дороге.

В тот момент, как Филип увидел на опознании мертвое лицо жены, ему стало кристально ясно: жизнь уже никогда не вернется в привычное русло. Филип работал на двух работах, чтобы Пенни ни в чем не знала нужды, но заполнить пустоту в душе было нечем. Он точно знал, что никогда уже не станет прежним, и вся его жизнь сосредоточилась в дочери. Как знать, не потому ли все это сейчас происходит? Шуточки Господа Бога... Когда придет саранча и реки потекут кровью, во главе отряда встанет тот, кому на самом деле есть что терять.

— Да какая разница, кем они были? — наконец ответил брату Филип. — Или *чем* они были.

— Наверное... да, ты прав, — ответил Брайан. Он сел, скрепив ноги, и стал наблюдать, как Бобби и Ник расстилают брезентовые полотнища и мусорные пакеты и по одному заворачивают в них трупы, с которых все еще капала кровь.

— Главное, что теперь в этом доме безопасно. Пока что. Сегодня заночуем здесь. А завтра, если найдем хотя бы немного бензина, уже будем в Атланте.

— Что-то не сходится... — пробормотал Брайан, бросив взгляд на трупы.

— Ты о чем?

— Погляди на них.

— Ну, и что? — Филип и так смотрел, как остальные закатывают в брезент мать семейства. — Обычная семья.

Брайан откашлялся в рукав и вытер рот.

— Как, черт возьми, такое могло случиться? Здесь мать, отец, четверо детей... и все!

— К чему ты клонишь?

— Они все... они превратились *одновременно*? Или сначала заразился кто-то один, а потом перекусал остальных?